

“КИНОШОК”

С 7 по 14 сентября в Анапе проходил юбилейный, 5-й фестиваль “Киношок”, ставший в этом году Открытым кинофестивалем стран СНГ и Балтии. Как и прежде, его основное жюри возглавил не профессионал в области кино. На этот раз — выдающийся пианист, президент Академии Российского искусства Николай ПЕТРОВ.

— Скажите, Николай Арнольдович, вас, казалось бы, далеко от кино человека...

— ... Я не считаю себя далеким от кино человеком — многие годы являюсь его очень активным потребителем. В годы, когда в России практически ничего не шло из шедевров мирового киноискусства, я имел возможность смотреть эти шедевры — во время гастролей, каждый день по два-три раза. Когда началась эра видео, я долго сопротивлялся — считал, что фильмы нужно смотреть только в зале. Потом купил первый видеоманитон и... сошел с ума. На сегодняшний момент — после отсева, стирки, чистки — у меня дома где-то около тысячи фильмов. А пересмотрено, конечно, в несколько раз больше. Так что могу сказать, что кинематограф знаю достаточно хорошо, имею свою позицию по отношению к нему.

— Каково общее впечатление от фестиваля?

— К моему большому огорчению, могу констатировать, что все те беды, которые сейчас постигли российскую музыку,

НИКОЛАЙ ПЕТРОВ:

Кинематограф переживает тот же кризис, что и музыка

постигли и российский кинематограф. Меня огорчило количество неталантливых фильмов, удивили люди, которые снимают такое кино, какое никто никогда смотреть не будет. Раньше, когда существовал госказ на кино, такого не было. Да, тогда была масса издержек, буйствовала политическая цензура, но подобным фильмам перекрывали дорогу. Я убежден, что необходима нравственная цензура в нашем кино и на телевидении.

Я увидел немало фильмов, добротно сделанных с точки зрения ремесла. Но разница между ремесленником, который делает рыночную бижутерию, и работами Фаберже огромна. Если говорить о зрителе, который приходит в кинотеатр поглазеть, как бьют в морду, пьянствуют, курят анашу, насиляют женщин, то он, наверное, найдет для себя в конкурсных фильмах немало интересного. А нормальный зритель с большинством из них просто уйдет.

Во время просмотров я не раз задавал себе вопрос: почему кто-то дал деньги, и немалые, на такой фильм?

— А что вы скажете по поводу фильма “1001 рецепт влюбленного кулинара” Наны Джорджадзе?

— Когда пошли первые кадры этой картины, я страшно обрадовался: “Боже мой, наконец-то! Наконец-то глоток воздуха. Как это талантливо! Как это здорово!” Я был просто в восторге. Я хохотал во время сцены дуэли, где грузинский Онегин расстреливает французского Ленского при исполнении знаменитой арии. Ему просто надо успеть на свадьбу. А потом вдруг произошел какой-то коллапс... Я не понимаю, как можно любить жену, которая бежит от одного мужчины к другому.

Вся вторая половина “Влюбленного кулинара” скомкана. И это беда не только этой ленты. Это беда многих фильмов, мно-

гих романов, многих симфоний и других сочинений. Сколько раз было: после прекрасной экспозиции наступает провал. Человек в силу разных причин не может закончить свое произведение на том уровне, на котором начал.

— Тем не менее, на мой взгляд, при всех своих недостатках это была самая талантливая картина фестиваля.

— Это был единственный фильм, по поводу которого мы в какой-то мере колебались: давать или не давать ему Гран-при. Другие кандидатуры даже не рассматривались.

— Что у вас вызвало особенное раздражение?

— Фильм “Шрам”, который поставил живущий в Москве чилийский режиссер Себастьян Аларкон. Все в этой картине поставлено с ног на голову. В очередной раз муссируется, какой это гад Пиночет.

— Очень много споров на фестивале вызвала картина Андрея И “Научная секция пилотов”. Как вы к ней относитесь?

— Мне кажется, что эту картину делал недобрый человек. В ней много совершенно неправданной патологии, отсутствует логический конец. Такое впечатление, что режиссера (он же и автор сценария) угнетают толпы народа, и он поставил перед собой задачу добиться, чтобы ему просторней было ездить в метро. Вместе с тем нельзя не отметить интересную работу оператора Игоря Клебанова, что мы и сделали, присудив ему приз.

— Наши взгляды на эту картину полностью совпали. Может быть, потому, что мы принадлежим к одному поколению? Но меня поразило, что на фестивале именно из-за этой картины чуть не пердрались три крупнейшие в стране дистрибьюторские фирмы. Там работают люди, которые умеют считать деньги, которые зарабатывают на

“Барханов и его телохранитель”. В.Раков и И.Бочкин (приз за лучшую мужскую роль)

“President и его женщина”. Е.Сафонова (приз за лучшую женскую роль)

кино. Что скажете на этот счет?

— Профессионалам виднее. Возможно, они рассчитывают на подростковую и молодежную аудиторию, на то, что эта аудитория мыслит уже не так, как мы, что она будет воспринимать фильм подсознательно...

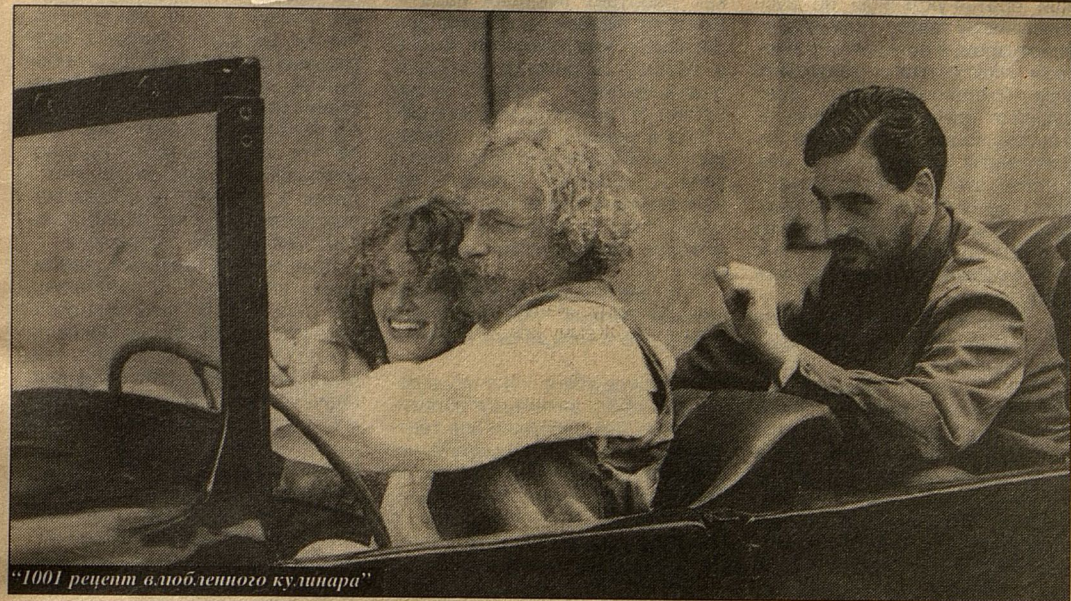
Но были на “Киношоке” и картины, которые я смотрел без раздражения. В их числе “Барханов и его телохранитель” Валерия Лонского. Да, эта тема многократно была перепета в мировом кино — “Ван-банк”, “Блеф”, “Афера” и так далее.

Рядом с “Бархановым” мож-

но поставить фильм Елены Райской “President и его женщина”. Не случайно жюри дистрибьюторов разделило между ними свой приз. Отчасти и мы так поступили, отметив исполнителя роли Барханова Игоря Бочкина и Елену Сафонову, которая сыграла роль бывшей жены нынешнего кандидата в президенты России и также ставшей кандидатом в президенты. Но нельзя не признать, что картина Райской оригинальна. Правда, это первая политическая картина за последние годы, где почему-то отсутствует КГБ. А ведь это неспроста. Если бы оно присутствовало, картины, по-моему, не было бы — Райской просто не дали бы работать.

— Гран-при основное жюри фестиваля решило не присуждать. Второй по значимости приз — за режиссуру — вы отдали картине “Нас мало”, в которой литовский режиссер Шарунас Бартас мучительно медленно и занудливо рассказывает о проживающем в Якутии и вымирающем племени тофаларов...

— Скажите, “Нас мало” — художественный фильм или документальный? Вероятно, автору хотелось, чтобы на Западе сказали: ах, какие плохие в России демократы — они колбасят в могилу малочисленной северной народности. Но

“1001 рецепт влюбленного кулинара”

тогда он забыл, что кол стали бивать задолго до того, как Борис Николаевич пришел к власти, еще при Александре Освободителе, когда из России стали прибывать купцы и менять соболиные шкурки на спирт... На мой взгляд, недопустимо введение в фильм такого жанра профессиональных актеров — они выглядят чужеродным телом, это просто большой ляп.

— А вам не кажется странным, что режиссер из Литвы едет снимать свой фильм на край света, в Якутию, тратит на это полгода и 40 тысяч метров “Кодака”...

— ... Роман Кармен ездил в Испанию снимать свои великие фильмы. Почему бы литовскому режиссеру не поехать в Сибирь, если ему эту поездку оплатили?

Эта картина не может не вызывать сочувствия. Конечно, нам показали страшное зрелище — эти несчастные, пропавшие, вымирающие люди с полным отсутствием человеческих чувств — одни инстинкты.

— На все это тягостное зрелище невыносимо тоскливо смотреть.

— Но это же реальная жизнь.

— Регламентом фестиваля не предусмотрена награда за музыку. А если бы была предусмотрена, кого бы вы выбрали?

— Пожалуй, никого. В основном это чисто прикладная музыка. А в некоторых фильмах работа композитора вызывает

просто смех. Например, в украинской картине с музыкальным названием “Партитура на могильном камне”. Начинается она с того, что сидит человек и перебирает клавиши на самом верхнем регистре рояля, а звучит середина. Что можно после этого говорить о работе композитора? Или взять якобы гениальное произведение “Реквием”, вокруг которого построен весь конфликт. Но то, что исполнялось в сумасшедшем доме, назвать “Реквиемом” может только человек абсолютно, дремуче некомпетентный в музыке.

— Вы говорили о кризисе в нашем кинематографе. Пути выхода из него вы увидели?

— Положение, мне кажется, не изменится до тех пор, пока люди, финансирующие тот или иной проект, не станут заботиться о том, чтобы затраченные деньги вернулись. Я не говорю, что можно обойтись без риска. Я о том, что продюсеров-профессионалов у нас еще очень и очень мало. Пока же, судя по конкурсной программе, люди зачастую дают деньги на кино просто так, может быть, в силу личных симпатий к тому или иному режиссеру или актеру. А раз “просто так”, то и отдача соответствующая.

По сравнению с прошлыми годами потерян процент талантливого кино, и это особенно огорчает. Где картины уровня “Мимино”, “Покаяния”, “Белого солнца пустыни”, “Пиратов XX века”, наконец?

Вспомните, как тяжело работало художникам в советские времена, когда им дышать не давали цензура, парткомы, месткомы, бюрократы от искусства, КГБ и т.д. Но вопреки всему снимались замечательные, потрясающие фильмы. Очевидно, у нас в стране “вопреки” получается, а “благодаря” — нет. Творческая карьера многих из нас произошла “вопреки”.

Все мы через это прошли и все-таки мы состоялись. А вот в то время, когда все, казалось бы, открыто, когда пришла свобода, появилась масса творческого ширпотреба во всех областях... Мало иметь свободу, надо еще уметь ею пользоваться.

— Вас огорчила конкурсная программа. А фестиваль в целом не огорчил?

— Я получил огромное удовольствие от общения с чудесными людьми, которые были в жюри. У нас не было конфликтных ситуаций. Мне было приятно, что мое любительское мнение зачастую полностью совпадало с мнением профессионалов. Я ни физически, ни морально не устал, тогда как после фортепианных конкурсов обычно чувствуешь себя опустошенным. В общем, я благодарен судьбе за то, что на целых десять дней погрузился в кинематографическую среду и почувствовал себя в ней своим.

Беседу вел
Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ